

18+

PIRATES OF THE CARIBBEAN

Арсения Костромская

Соль и кровь. Книга
3. Жемчужный налог

«Автор»

2026

Костромская А.

Соль и кровь. Книга 3. Жемчужный налог / А. Костромская —
«Автор», 2026

Сезон Штормов. Три месяца море почти непроходимо, корабли стоят у причалов, и в Гавани Висельников решают не саблями, а голосами. Коронный Совет объявляет Жемчужный налог: тридцать фунтов жемчуга за сезон — или блокада. Добыть столько жемчуга можно только одним способом: выйти на Отмели с сетями и охотиться на русалок. А третья статья указа обещает полное прощение каждому, кто сдаст Инквизиции беглого ветроплёта. Исса Корвен ненавидит политику. Но, чтобы Гавань не стала охотничьей сворой Короны, ей придётся учиться у Красной Марты считать голоса, задавать вопросы вместо ответов и молчать, когда хочется бить. Тем временем по кошачьим ходам под сваями Гавани бродит гость, которого здесь не должно быть, — русал Каэрон на чужих ногах, посланный отцом узнать имена будущих охотников. Серые плащи Инквизиции приходят за Нимой. Старый друг боцмана Гардта оказывается тем, кто её продаст. А у якоря с выбитым Кодексом снова звучит вопрос: что делать с тем, кто продал брата?

© Костромская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Указ	6
Совет капитанов	11
Уроки Красной Марты	16
Кошачьи ходы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Арсения Костромская

Соль и кровь. Книга 3. Жемчужный налог

Глава первая

Указ

Сезон Штормов в тот год начался не с дождя, а с бумаги.

Дождь, конечно, тоже пришёл — на следующий день, как всегда, серой стеной с юго-запада, и после этого уже не прекращался. Но первой пришла бумага. Её привёз коронный куттер — маленький, быстрый, под белым флагом на грот-мачте, — который встал на якорь за внешним кольцом рифов, у северных ворот, и простоял там полдня, не приближаясь. Лоцманы смотрели на него с берега и плевали в воду. Потом от куттера отвалила шлюпка. В ней сидели двое гребцов и офицер в синем плаще. Офицер держал на коленях кожаный футляр — длинный, как для подозрительной трубы.

Шлюпка дошла до первой гряды и остановилась. Без лоцмана дальше было нельзя. Офицер встал, поднял футляр над головой и крикнул что-то, чего с берега не было слышно.

Он поплыл к нему сам. Взял футляр. Ни слова не сказал. Развернул лодку и погрёб обратно.

Офицер в синем постоял ещё немного в шлюпке, глядя ему вслед. Потом сел. Шлюпка вернулась к куттеру, куттер поднял паруса и ушёл на север. Через час его не было видно.

Футляр Онно принёс к якорю.

* * *

Исса узнала обо всём от Пипа. Пип прибежал на «Вдовью Долю» мокрый — от брызг, не от дождя, дождь начнётся только завтра, — запыхавшийся, с глазами в пол-лица.

— Капитан! У якоря! Бумага от Короны! Все туда идут! Пятёрка — все! Красная Марта сказала, чтобы вы тоже!

— Красная Марта сказала?

Пип кивнул так, что брызги полетели с волос.

— Прямо мне. Схватила за ухо и сказала: «Беги к Корвен, скажи — пусть тащит свою задницу к якорю». Вот так и сказала. Я дословно.

Исса посмотрела на Гардта. Гардт, конопативший у фальшборта шов, медленно выпрямился, отложил конопатку и вытер руки о штаны.

— Марта, — сказал он. С паузой. — Марта тебя раньше не звала.

— Не звала.

— Плохо, — сказал Гардт.

* * *

У якоря стояла вся Гавань.

Исса никогда не видела столько народу в одном месте. Капитаны — все сорок, или почти все. Боцманы, штурманы, коки. Матросы — сотни. Лоцманы. Ханнек со своими корабельщиками. Девки с Кривого причала. Старики из «Пустого Якоря», которые не выходили на воздух. Бурый Олаф без бочки. Мальчишки на крышах складов. Все стояли тесно, плечом к плечу, на мокрой гальке, на причалах, на палубах ближайших кораблей, и все молчали. Даже чайки над лагуной, кажется, кричали тише.

У самого якоря, у веретена, на котором были выбиты двенадцать статей, стояла Пятёрка.

Старый Гроан — посередине. Он был такой старый, что Исса не могла представить его молодым. Маленький, сгорбленный, высохший, как вяленая рыба, с белыми бровями, свисающими на глаза, — глаза за этими бровями почти ничего не видели. Он опирался на трость, вырезанную из китового ребра, и стоял неподвижно, как ещё одна статья, выбитая на железе. Говорили, что он ходил под парусом семьдесят лет. Говорили, что он был в Братстве, когда Братства ещё не было.

Справа от него — Вейрон. Высокий, в чёрном, с косицами бороды, перехваченными серебром. Мёртвая жемчужина на цепочке, в распахнутом вороте. Он увидел Иссу в толпе — сразу, через головы, — и улыбнулся ей. Широко. Весело. Исса не ответила.

Рядом с Вейроном — двое других. Сайм Весло, высокий, жилистый, лысый, с лицом, похожим на топорщице. И Ормод Бородач — грузный, медлительный, с бородой до пояса, заплетённой в одну толстую косу. Оба — с Вейроном. Всегда. Исса не помнила случая, чтобы на суде капитанов они голосовали иначе, чем Вейрон.

А слева от Гроана стояла Красная Марта.

Ей было за пятьдесят. Может, сильно за пятьдесят — никто не знал наверняка. Волосы у неё были ярко-рыжие, совсем, как огонь в жаровне, — крашенные хной, это знали все, потому что брови у неё были седые. Лицо — широкое, обветренное, в морщинах, с маленькими весёлыми злыми глазами. На каждом пальце — по кольцу. На некоторых — по два. В зубах — трубка, короткая, чёрная, которую она никогда не вынимала изо рта, даже когда говорила. Особенно когда говорила.

В руках у неё был развёрнутый лист. Длинный, с печатью внизу — тёмно-синей, с якорем в короне.

Она увидела Иссу. Кивнула. Не улыбнулась.

Потом подняла лист и начала читать.

* * *

Читала Марта громко, хрипло, на всю Гавань, не вынимая трубки изо рта, — так что слова выходили из неё вместе с дымом, и Иссе казалось, что указ Короны пахнет дешёвым табаком.

«Именем Её Величества Эльсы Третьей, Королевы Северного Венца, Владычицы Высокой Марки, Покровительницы Мореходов, — по решению Коронного Совета.

Всем портам, гаваням, стоянкам и поселениям на Южных Отмелях, не признающим власти Короны и укрывающим лиц, ведущих разбой на море.

Коронный Совет, желая положить конец разбою и восстановить порядок на воде, не прибегая к излишнему кровопролитию, объявляет следующее».

Марта остановилась. Выпустила дым. Посмотрела поверх листа на толпу.

— Это вступление, — сказала она. — Дальше будет весело. Слушайте.

«Первое. Отныне каждый порт, гавань или стоянка на Южных Отмелях обязаны в течение каждого сезона выплачивать Короне дань тихим жемчугом. Мера дани определяется числом кораблей, приписанных к порту. Для Гавани, именуемой Висельной, — тридцать фунтов тихого жемчуга за сезон».

По толпе прошёл звук. Не крик, не ропот — вздох. Сотни людей разом выдохнули сквозь зубы.

Тридцать фунтов. Исса посчитала — быстро, машинально, как считала всё. Тридцать фунтов тихого жемчуга — это... Она не знала, сколько это в зёрнах. Много. Очень много. Это не горсть, которую можно купить у Лиги или выменять у островитян. Это — сколько с одной охоты привозил «Гарпун», и то в хороший год. Это...

Это сердечные жемчужины. Не тихие — тихих столько нет. Сердечные. Вынутые. Остывшие.

Она посмотрела на Вейрона. Вейрон смотрел на Марту и не улыбался больше. Он слушал внимательно. Очень внимательно.

«Второе. Порты, внёсшие дань в срок, освобождаются от досмотра и блокады на текущий сезон. Порты, не внёсшие дань, — подлежат блокаде флотом Её Величества под командованием адмирала Веллара Крэйна, вплоть до полного прекращения судоходства».

— Блокада, — сказал кто-то в толпе. Громко. — Пусть попробует. Без лоцманов в рифы не войдёт. Велса помните?

Засмеялись. Немногие.

— Ему не надо в рифы, дурак, — сказала Марта, не отрывая глаз от листа. — Ему надо снаружи стоять. Мы-то через ворота ходим, не через рифы. Четверо ворот. Четыре фрегата у ворот — и сиди тут, жри свои сапоги. — Она пыхнула трубкой. — Дальше.

«Третье. Любому капитану, кто сам, своей волей, доставит в руки Инквизиции моря лиц, состоящих в розыске, — беглых ветроплётов, укрывателей, а равно лиц, обвиняемых в связях с морской нечистью, — Корона дарует полное прощение прежних вин, каперский патент и право на свободный заход в порты Северного Венца.

Подписано Коронным Советом. От имени Совета — Веллар Крэйн, адмирал, первый лорд».

Марта опустила лист.

Над Гаванью было тихо. Только волны плескали о сваи и о гальку.

* * *

— Ну, — сказала Марта. — Вот так.

Она свернула лист в трубку. Сунула под мышку. Вынула трубку изо рта — впервые за всё время, — выбила её о железо якоря, о веретено, прямо о выбитые статьи, и снова набила табаком из кисета. Не спеша.

— Тридцать фунтов, — сказала она. — За сезон. Кто знает, где взять тридцать фунтов тихого жемчуга? Поднимите руки.

Никто не поднял.

— Вот и я не знаю, — сказала Марта. — А Вейрон знает. — Она повернула голову. — Правда, Вейрон?

Вейрон пожал плечами.

— Все знают, Марта.

— Все знают, — согласилась Марта. — Да. Все знают. Тихого жемчуга столько нет. Ни у нас, ни у Лиги на продажу. Значит, Корона просит не тихого. Корона просит то, из чего тихий делают. — Она чиркнула огнем, раскурила трубку, пыхнула. — Корона просит, чтобы мы пошли на Отмели с сетями. Все. Не только Вейрон с Саймом. Все сорок кораблей. И привезли ей тридцать фунтов. А это, если считать по сердечным, — она прищурилась, считая, — это сорок, может, пятьдесят голов. За сезон.

Толпа молчала.

— И это ещё не всё, — сказала Марта. — Это первое. Есть третье. — Она хлопнула свёрнутым указом по ладони. — Третье — это прощение. Каперский патент. Свободный заход в порты Венца. — Она обвела толпу взглядом. — Сколько у нас тут таких, кто двадцать лет не был дома? Кто оставил на Венце мать? Жenu? Дочь? Вот. Вот это — настоящее. Не первое. Третье.

— Кого сдавать-то? — крикнул кто-то. — У нас ветроплётов нету!

— Нету? — Марта посмотрела на кричавшего. — Нету, говоришь?

И, не поворачивая головы, — Исса увидела это, и у неё похолодело в животе, — Марта скосила глаза. На неё. На Иссу.

На одно мгновение.

Потом снова посмотрела на толпу.

— Совет капитанов, — сказала она. — Через три дня. В «Пустом Якорю». Все капитаны. Пятёрка — тоже. Будем решать. — Она сунула трубку обратно в зубы. — А до тех пор — думайте. Головой. Не яйцами. У кого они есть.

* * *

Толпа расходилась медленно. Люди не уходили — расплзались, кучками, по трое, по пятеро, говорили вполголоса, оглядывались. Исса стояла у якоря и смотрела, как они уходят. Как Вейрон, Сайм и Ормод отходят вместе, к причалу «Гарпуна», и Вейрон что-то говорит, а те двое слушают. Как Старый Гроан стоит у веретена, всё так же неподвижно, опираясь на

китовую трость, и смотрит невидящими глазами на лагуну. Как Ханнек со своими корабельщиками качает головой. Как кто-то в толпе — она не видела кто — смотрит на «Вдовью Долю» у третьего причала. Долго.

— Корвен.

Марта стояла рядом. Трубка в зубах. Указ под мышкой. Кольца на пальцах блестели в сером свете.

— Капитан Марта, — сказала Исса.

— Ты знаешь, почему я тебя позвала?

— Нет.

— Врёшь, — сказала Марта. — Знаешь. У тебя на шхуне девка с пепельными волосами. Тощая. Ей лет семнадцать. Которая, говорят, в Крошеве шторм повернула. — Она пыхнула трубкой. — Говорят, видно было за пять миль. Как маяк.

Исса молчала.

— Не отвечай, — сказала Марта. — Мне не надо. Мне — всё равно. — Она посмотрела на неё. Маленькие злые весёлые глаза. — А вот тем, у кого мать на Венце, — не всё равно. Ты понимаешь, о чём я?

— Понимаю.

— Ни хрена ты не понимаешь, — сказала Марта. Без злобы. — Ты понимаешь, что её могут сдать. Это ты понимаешь. А того, что её сдадут, ты не понимаешь. Потому что ты думаешь, что Кодекс — это железо. «Кто продал брата — тот не брат». — Она постучала мундштуком по веретену якоря. — Это железо, девочка. Железо ничего не может. Железо стоит. А люди ходят.

Она помолчала.

— Приходи ко мне завтра, — сказала она. — На «Лисицу». Вечером. Будем разговаривать.

— О чём?

— О том, как тебе пережить этот сезон, — сказала Марта. — Тебе и твоей пепельной. И твоему кораблю. — Она повернулась уходить. Остановилась. — И о том, как Гавани пережить этот сезон. Потому что, если Гавань проголосует за налог, — через год тут не будет ни одного корабля, который не охотится. И тогда, девочка, Вейрон станет Адмиралом. А Вейрон — Адмирал... — Она покачала головой. — Нет. Я старая. Я этого не хочу видеть.

Она ушла — тяжело, вперевалку, как ходят люди, которые всю жизнь провели на палубе. Рыжие волосы мелькнули в толпе — и пропали.

* * *

Вечером Исса сидела в каюте и смотрела на стену.

На стене висела отцовская сабля. Рядом — пустой крюк, где раньше висел фонарь, пока Пип его не разбил. Рядом — ничего. Доски.

Она думала о тридцати фунтах.

Она думала о том, как это будет. Сорок кораблей. Весной, когда кончится Сезон, — все сорок выйдут на Отмели с сетями. Пойдут в лагуны, где живут аларии. В Тихие Чаши. В места, где сетей быть не могло. И будут поднимать сети. И привозить в Гавань — не в корытах, нет, — привозить жемчужины. Вынутые. Остывшие. Тридцать фунтов.

Она думала о Ниме. О пепельных волосах, которые встают дыбом в шторм. «Видно за пять миль. Как маяк». О том, что в Гавани сорок капитанов и сотни матросов, и у каждого второго мать на Венце. Или жена. Или дочь.

Она думала о том, что Кодекс — железо. И что железо ничего не может.

Дверь скрипнула. Вошёл Гардт. Встал у порога. Как всегда.

— Капитан.

— Гардт.

— Марта, — сказал он. — Звала к себе?

— Звала.

— Пойдёшь?

— Пойду.

Гардт помолчал. Взялся за Кормчего на шее.

— Марта хитрая, — сказал он. — Марта на трёх стульях сидит. Всю жизнь.

— Знаю.

— Она тебя использует.

— Знаю, Гардт.

— И пойдёшь.

— Пойду.

Гардт посмотрел на неё долго. Потом сказал — медленно, с паузами, — то, чего Исса от него никак не ждала:

— Правильно.

Она подняла голову.

— Правильно, — повторил Гардт. — Тут без Марты не выплыть. Тут не море. Тут — суша. — Он помолчал. — Я в суше не понимаю. Ты тоже. А Марта — понимает.

Он повернулся к двери. На пороге остановился.

— Капитан, — сказал он, не оборачиваясь. — Тридцать фунтов. Это сколько голов?

— Марта сказала — сорок, пятьдесят.

Гардт постоял.

— Я на ферме считал, — сказал он. — Тогда. На Ржавой Косе. Для отчёта. Сколько с одной головы жемчуга. Сорок — это мало. Это если старые. Если молодые — сто.

И ушёл.

Исса сидела и смотрела на закрытую дверь.

За иллюминатором начинался дождь. Первый. Мелкий, серый, тихий. Сезон Штормов.

Глава вторая

Совет капитанов

Совет капитанов собирался в «Пустом Якорь» не потому, что так было положено, а потому, что больше было негде.

Других больших помещений в Гавани не было. Склады — тесные, сырые, забитые товаром. Церкви — ни одной: Кормчему здесь не молились, а Пряхе молились у воды. Дом Пятёрки — его не было: Пятёрка собиралась где придётся, обычно на палубе «Гроанова Сына», под тен-том. А сорок капитанов на палубе одного корабля не поместятся. Поэтому — «Пустой Якорь».

В этот раз хозяин закрыл таверну для всех, кроме капитанов. Бурый Олаф стоял у двери со своей бочкой и не пускал никого — ни боцманов, ни штурманов, ни девок. Только капитанов. И, по старому обычаю, каждому капитану разрешалось взять с собой одного человека — «чтобы было кому донести, если зарежут».

Исса взяла Гардта.

Он прошёл мимо Олафа, положил в бочку тесак и абордажный топор, и Олаф кивнул ему — как старому знакомому, с уважением. После прошлой драки с людьми Лиги, полгода назад, Олаф кивал Гардту всегда.

Внутри было дымно, тесно и непривычно тихо. Столы сдвинули к стенам. Скамьи поставили рядами, как в коронной часовне. Впереди, у стойки, — длинный стол, и за ним Пятёрка. Гроан посередине. Марта слева. Вейрон справа. Сайм и Ормод — по краям.

Капитаны сидели на скамьях. Тридцать восемь человек — Исса пересчитала. Двое не пришли: один был болен, второй — на Отмелях, его застал Сезон. Тридцать восемь капитанов и тридцать восемь их людей за спинами. Семьдесят шесть человек. И Пятёрка.

Исса села на скамью в третьем ряду, с краю. Гардт встал за ней, у стены.

— Гардт.

Голос был хриплый, негромкий, откуда-то слева. Гардт обернулся. Исса тоже.

На соседней скамье, через проход, сидел человек. Немолодой — лет пятьдесят, ровесник Гардта. Худой, жилистый, сутулый, с длинным усталым лицом, с короткой седой щетиной. Одет просто, бедно — рубаха штопаная, сапоги старые. Руки — большие, в шрамах, со сбитыми костяшками. На левом предплечье, из-под закатанного рукава, синел вырезанный ножом коронный якорь. Такой же, как у Гардта. Старый, грубый, расползшийся.

Гардт смотрел на него. Долго. Потом медленно — Исса впервые видела у него такое лицо — медленно улыбнулся. Под седыми усами. Всею нижней половиной лица.

— Хуго, — сказал он.

— Живой, значит, — сказал человек.

— Живой. А ты?

— А я — вот. — Человек развёл руками. — Капитан. Не поверишь. Капитан Хуго Сеть. «Морской Ёж». Девятнадцать человек. Кори́то, которое тонет каждый раз, как я на него смотрю. — Он усмехнулся. — Капитан.

— Давно в Гавани?

— Месяц. С Рыбьей Косы пришёл. Там прижали.

Гардт подошёл к нему. Протянул руку. Хуго встал — и они не пожали руки, а обнялись. Коротко, тяжело, по-мужски, хлопнув друг друга по спинам так, что звук был слышен на весь «Пустой Якорь». Несколько капитанов обернулись.

— Это кто? — спросила Исса тихо, когда Гардт вернулся к стене.

Гардт помолчал.

— Хуго, — сказал он. — Мы с ним вместе. На флоте. Абордажная команда. Восемь лет. Он мне однажды жизнь спас. На «Сером Буйволе». Я тонул. Он прыгнул.

— А потом?

— А потом он ушёл. Раньше меня. Дезертировал. Лет пятнадцать назад. — Гардт смотрел на Хуго, сидящего через проход. — Я думал, он помер.

Исса посмотрела на Хуго. Хуго сидел, глядя на стол Пятёрки, и лицо у него было усталое и ничего не выражающее. Только руки — большие, в шрамах — сжимались и разжимались на коленях.

* * *

Старый Гроан постучал тростью об пол.

Звук был негромкий, сухой. Но тишина в «Пустом Якорё» стала полной.

— Совет капитанов, — сказал Гроан. Голос у него был, как у ржавого брашпиля: скрипучий, медленный, с остановками. — Указ все слышали. Марта читала. Повторять не буду. — Он помолчал. — Кто хочет говорить — говорите. Только по очереди. Кто перебыёт — выйдет. Это я сказал.

Он сел. Опустил подбородок на руки, сложенные на набалдашнике трости. Закрыв глаза. Казалось — уснул.

Первым встал Вейрон.

Конечно, Вейрон. Исса знала, что он встанет первым. Он встал медленно, со вкусом, оправил рубаху, тронул мёртвую жемчужину на цепочке. Вышел из-за стола и встал перед ним, лицом к капитанам. Высокий, красивый, уверенный.

— Братья, — сказал он.

Бархатный голос, с хрипотцой. Голос человека, который много говорил и знает, как надо.

— Братья. Я буду коротко. Я не мастер речей. — Он улыбнулся. Кто-то в зале хмыкнул. — Корона хочет тридцать фунтов. Хорошо. Давайте посчитаем. Сколько стоит блокада? Сколько стоит, если четыре фрегата встанут у четырёх ворот, и мы сезон, два, три будем сидеть тут и жрать свои сапоги, как Марта говорит? — Он обвёл зал взглядом. — Столько, что нас не будет. Через год. Гавани не будет. Мы разбредёмся. По Отмелям. По Кольцу. Кто к Лиге наймётся. Кто к Короне — за амнистию. Братства не будет.

Он помолчал.

— А теперь — сколько стоят тридцать фунтов? — Он пожал плечами. — Сезон охоты. Один. На сорок кораблей. Это по три четверти фунта на корабль. Это две-три головы с корабля. — Он улыбнулся. — Я за сезон беру двадцать. Один. «Гарпун» и «Сеть». Двадцать. Я один могу заплатить половину налога. Если вы мне не будете мешать.

В зале загудели.

— И ещё, — сказал Вейрон, поднимая руку. — Я скажу то, что все думают, но никто не говорит. Третья статья указа. Прощение. Каперский патент. Свободный заход на Венец. — Он помолчал. — Братья. Сколько из вас двадцать лет не видели матерей? Я не видел. Моя мать живёт в Ольхове, на Северном Венце. Ей восемьдесят лет. Я не видел её двадцать три года. — Голос у него стал тише. — Я бы хотел её увидеть. Перед тем как.

Тишина.

Исса смотрела на него и думала, что он врёт. Она не знала, врёт ли он про мать. Может, и нет. Но он врал — всем лицом, всем голосом, всей этой тихой печалью, — так же, как врал Оссель за своим столом с медными уголками. Красиво. Гладко. Как вода над Рифами Молчания.

А потом она посмотрела на Хуго через проход. И увидела, что у Хуго в глазах слёзы.

Она отвернулась.

— Я всё сказал, — сказал Вейрон. — Голосую — платить. Сайм и Ормод, я думаю, тоже. Сайм и Ормод кивнули. Не вставая.

* * *

Вторым встал Рыжий Бенно с «Ласточки» — тот, что проиграл Иссе пятьдесят серебряных и до сих пор не отдал. Он говорил долго, путано, о том, что охотиться — оно, конечно,

тоже работа, но страшно, потому что русалки топят, — у него в прошлом году на Отмелях утопили двоих. Его не дослушали. Гроан, не открывая глаз, постучал тростью, и Бенно сел.

Третьим встал Хромой Тейс. Четвёртым — Даннер с «Чайки». Пятым — кто-то ещё. Говорили одно и то же. Кто — что платить надо, что блокаду не переживём. Кто — что охотиться не умеют, сетей нет, людей мало. Кто — что Корона обманет, возьмёт налог и всё равно поставит блокаду. Никто не сказал главного.

Исса сидела и слушала. Злость поднималась. Медленно, тяжело. С каждым словом. С каждой «головой», с каждым «фунтом», с каждой «сетью».

Никто из них не видел клетку. Никто не видел корыто с морской водой, в котором лежит русал с коралловыми кольцами на запястьях и считает, сколько рыбьих костей сложить в ряд. Никто не видел, как Каэрон на косе Крааля три дня поёт, чтобы встать на ноги ради их бумажки. Никто не слышал, как он говорит про Тиалу из клана Белой Пены, которая смеялась громче всех при дворе. Которая висит у Вейрона на шее.

Головы. Фунты.

Она встала.

Не решила — встала. Ноги сами подняли её со скамьи.

— Корвен, — сказал Гроан, не открывая глаз. — Говори.

* * *

Исса стояла в третьем ряду. Все обернулись к ней. Семьдесят шесть человек. Пятёрка. Вейрон — с интересом, с улыбкой. Марта — с лицом, которое Исса не могла прочесть. Хуго — устало.

Она открыла рот.

И сказала то, что думала.

— Я не пойду на охоту, — сказала она. — Ни весной. Никогда. И «Вдовья Доля» не пойдёт. — Она помолчала. — Если Гавань проголосует платить — пусть платит. Без меня. Я не дам ни одной головы. Ни зерна.

В зале стало тихо. Потом кто-то хмыкнул.

— А блокада? — крикнул кто-то.

— Значит, будет блокада.

— И ты, значит, будешь в блокаде сидеть за наш счёт? А мы — головы ловить, чтобы тебя кормить?

— Я никого не прошу меня кормить.

— А кто тебя спрашивает? — Это Сайм Весло. Он сидел за столом Пятёрки и смотрел на неё, и лицо у него было как топориче — твёрдое и тупое. — Ты, Корвен, в Братстве. Братство решает. Ты подчиняешься. Не нравится — уходи. Куда хочешь. Хоть к рыбам.

Кто-то засмеялся. Громко. Вейрон — нет. Вейрон смотрел на неё. Улыбался. Исса видела, как он улыбается — краем губ, — и вдруг поняла, что он ждал. Именно этого. Чтобы она встала и сказала. При всех.

— Корвен у нас, — сказал Вейрон мягко, не вставая, — она особенная, братья. Она Короне не продаёт. Она нам об этом в прошлом году в «Якоре» рассказывала, многие помнят. Она — принципиальная. — Он помолчал. — Интересно только, откуда у неё такие принципы. Насчёт рыбы. Может, она с ними знакома?

Исса почувствовала, как кровь бросилась к лицу. К скулам. К шраму.

— Это ты к чему, Вейрон? — спросила она.

— Да ни к чему, — сказал Вейрон и развёл руками. — Так. Мысли вслух.

И тут под столом — Исса не видела, только почувствовала, — тяжёлый каблук наступил ей на ногу. Сильно. До боли.

Она посмотрела вниз. Нога была её. Каблук — Гардта. Он стоял у стены, у неё за спиной, и, видимо, шагнул вперёд и наступил. И теперь стоял, глядя в потолок, с каменным лицом.

Она посмотрела на Марту. Марта сидела за столом Пятёрки. Смотрела на неё. И очень медленно, едва заметно, качала головой. Туда-сюда. Один раз.

«Сядь», — говорило это движение.

Исса стояла. Злость стояла в ней — горячая, до самого горла. Ей хотелось сказать Вейрону всё. Про Крааль. Про остриё сабли у его горла. Про Тиалу у него на шее. При всех.

Она села.

* * *

Последним говорил Старый Гроан.

Он не встал. Он просто открыл глаза — мутные, белёсые, под свисающими бровями, — и поднял голову с рук. И заговорил. Ржавый брашпиль.

— Мне восемьдесят один год, — сказал он. — Я в Братстве — шестьдесят. Я помню, когда Гавани не было. Помню, как первые сваи забивали. Помню, как якорь на скалу ставили и статьи выбивали. Седьмую — я исправлял. Своей рукой. — Он помолчал. — Там раньше стояло «судить в Пятёрке». А я исправил — «судить при всех». Потому что Пятёрка — это пять человек. Пять человек можно купить. Всех — нельзя.

Он постучал тростью об пол.

— Корона хочет, чтобы мы ловили для неё рыбу, — сказал он. — Это первое. Корона хочет, чтобы мы сдавали ей своих. Это третье. Вейрон говорит — первое не страшно. Вейрон говорит — третье даже хорошо. Мать в Ольхове. — Он помолчал. — У меня тоже была мать. В Ольхове. Её повесили, когда мне было двенадцать. За то, что прятала в подполе беглого ветроплёта. Ему было десять. Его тоже повесили. Рядом.

Тишина в «Пустом Якорё» стала такой, что Исса слышала, как трещит фитиль в лампе у стойки.

— Я не буду голосовать сегодня, — сказал Гроан. — И вы не будете. Сезон Штормов — длинный. Три месяца. Блокады в Сезон не будет — фрегаты в такую погоду у ворот не стоят. Значит, время есть. — Он посмотрел — не видя — в сторону Вейрона. — Голосовать будем в конце Сезона. Перед первым выходом. Все сорок. Как седьмая статья велит. При всех.

Вейрон открыл рот.

— Это я сказал, — сказал Гроан. И снова опустил подбородок на руки, и закрыл глаза.

* * *

Капитаны расходились долго. Исса стояла у двери, у бочки Олафа, ждала, пока Гардт заберёт оружие. Мимо проходили люди. Кто-то кивал ей. Кто-то отворачивался. Сайм Весло прошёл мимо, задев её плечом, и не извинился. Вейрон прошёл мимо и улыбнулся.

Хуго Сеть остановился рядом с Гардтом.

— Пойдём выпьем, — сказал он. — Старое вспомним. «Серый Буйвол». Абордаж у Кривой Банки. Помнишь?

— Помню, — сказал Гардт.

— Ну так пойдём.

Гардт посмотрел на Иссу. Исса кивнула.

— Иди, Гардт.

Они ушли вместе — два больших, тяжёлых, немолодых человека с одинаковыми якорями на предплечьях. Исса смотрела им вслед. Хуго что-то говорил, Гардт молчал и слушал. У поворота к Кривому причалу Хуго вдруг остановился и сказал — Исса не слышала что, — и Гардт тоже остановился. Посмотрел на него. Покачал головой.

Хуго пожал плечами. Они пошли дальше.

— Корвен.

Марта стояла рядом. Трубка в зубах. Глаза — маленькие, злые, весёлые.

— Ты дура, — сказала она.

— Знаю.

— Нет, ты не знаешь, — сказала Марта. — Ты думаешь, что дура, потому что встала. Нет. Встать — это ещё ничего. Ты дура, потому что сказала правду. Вслух. Всем. — Она пыхнула трубкой. — «Я не пойду на охоту». «Я не дам ни одной головы». — Она передразнила — точно, зло. — Ты кому это сказала? Тридцати восьми капитанам. Из которых двадцать — за налог, потому что боятся блокады. И десять — за налог, потому что у них мать на Венце. И пять — за налог, потому что Вейрон им заплатит. — Она помолчала. — Ты им всем сказала, что ты — против них. Всех. Сразу.

— Я и есть против.

— Да хоть против самого Кормчего! — Марта выдернула трубку изо рта. — Это не значит, что надо им об этом говорить! — Она сунула трубку обратно. — Вейрон тебя подставил, как ребёнка. Он ждал, что ты встанешь. Он знал. И ты встала. И сказала. И теперь он может сказать: «Корвен — против Братства». И про рыбу. — Она прищурилась. — Это он про что, кстати? Про рыбу?

Исса не ответила.

Марта смотрела на неё долго. Потом медленно вынула трубку изо рта.

— Ага, — сказала она. — Ага. Вот оно что.

— Что?

— Ничего. — Марта сунула трубку обратно. — Завтра. Вечером. На «Лисице». Как договаривались. — Она повернулась. — И, Корвен.

— Что?

— Гроан выиграл нам три месяца. Старик выиграл. Сам. Ценой того, что про мать при всех сказал, — а он про неё шестьдесят лет никому не говорил. — Она помолчала. — Не просри их, эти три месяца. Девочка.

И ушла.

Исса стояла у двери «Пустого Якоря». Над Гаванью шёл дождь — второй день, мелкий, серый, бесконечный. Якорь над дверью висел неподвижно.

Ветра не было.

Глава третья

Уроки Красной Марты

«Лисица» стояла у пятого причала, самого дальнего, у восточного края лагуны, — так далеко, что от «Пустого Якоря» до неё было полчаса ходу по мокрым доскам. Марта говорила, что это нарочно. Что кто хочет к ней прийти — пусть идёт полчаса. За полчаса, говорила она, человек успеваешь передумать, а кто не передумал — тот пришёл по делу.

Исса шла под дождём и не передумала.

«Лисица» была старая. Старше «Вдовьей Доли», старше Иссы, может, старше самой Марты. Низкий, широкий, крутобокий бриг с потемневшим корпусом и с носовой фигурой — лисой, вырезанной из дерева и выкрашенной в ярко-рыжий, такой же, как волосы хозяйки. Краску на лисе обновляли каждый сезон. Больше на «Лисице» не обновляли ничего.

Каюта у Марты была маленькая и вся заставлена. Сундуки, ящики, бочонки, связки сушёной рыбы, клетка с попугаем — тем самым, без хвоста, Исса узнала его, — который, видимо, переехал сюда от Марго с Кривого причала. На стенах — карты. Не морские. Исса сначала не поняла какие, а потом поняла: это были карты Гавани. Все причалы, все склады, все дома на склоне. И на каждом — пометки. Имена. Цифры. Стрелки. Кружки, крестики, линии.

— Садись, — сказала Марта. Она сидела за столом, заваленным бумагами, с трубкой в зубах и с кружкой в руке. — На сундук садись. Стулья — для тех, кто платит.

Исса села на сундук.

— Пить будешь?

— Нет.

— Будешь, — сказала Марта и налила ей. Ром. Тёмный, густой, пахнувший патокой. — У меня не пьют только мертвецы и инквизиторы. Ты не инквизитор.

Исса взяла кружку. Не пила.

Марта смотрела на неё через стол. Маленькие злые весёлые глаза. Дым из трубки поднимался к потолку и расплывался там серым облаком.

— Ну, — сказала Марта. — Давай сначала. Скажи мне, Корвен. Сколько капитанов в Гавани за налог?

* * *

— Не знаю, — сказала Исса.

— А ты прикинь.

Исса подумала. Вспомнила «Пустой Якорь». Лица. Голоса.

— Половина, — сказала она. — Может, больше.

— Двадцать три, — сказала Марта. — Из сорока. Это сегодня. Через месяц, если ничего не делать, — двадцать восемь. Через три — тридцать пять. — Она пыхнула трубкой. — А теперь скажи мне, почему они за налог.

— Боятся блокады.

— Это одни. А другие?

— Матери на Венце.

— Это вторые. А третьи?

Исса помолчала.

— Вейрон им платит?

— Вейрон им пока не платит, — сказала Марта. — Вейрону пока нечем. Но скоро будет чем. — Она постучала пальцем с двумя кольцами по стопке бумаг на столе. — Мне Марго сказала, что в Гавань на прошлой неделе пришла лиговая шхуна. Тихо пришла, без шума. Встала у Ханнека на ремонт. На ремонт, — Марта фыркнула, — в Сезон Штормов. А на шхуне — человек. Высокий, тощий, в тёмном. Вежливый. Ходит по Гавани. Ни с кем не говорит. Смотрит.

Исса похолодела.

— Оссель.

— Ты его знаешь, — сказала Марта. Не спросила.

— Знаю.

— Ну вот. Значит, скоро у Вейрона будут деньги. Лиговые. — Марта поставила кружку.

— Лиге, девочка, налог выгоден. Ты не думала почему?

— Нет.

— Потому что Гавань, которая платит Короне жемчугом, — это Гавань, которая должна этот жемчуг где-то добывать. Охотой. А охота — это сети, лодки, люди, припасы. А где мы всё это берём? — Она развела руками. — У Лиги. В долг. Под проценты. — Марта помолчала. — Через два года вся Гавань будет должна Сальту. Каждый корабль. И тогда Сальт скажет — и Гавань сделает. Что угодно. — Она снова взяла кружку. — Лига не хочет нас уничтожить, девочка. Лига хочет нас купить. Это хуже.

Исса сидела на сундуке и смотрела на неё. Она никогда не думала об этом так. Никогда.

— Откуда вы всё это знаете? — спросила она.

Марта засмеялась — хрипло, через дым.

— Оттуда, — сказала она, — откуда ты знаешь, где в Пятке мель. Смотрю. Сорок лет. — Она кивнула на стены, на карты Гавани, исписанные пометками. — Ты читаешь воду. Я читаю людей. Это то же самое. Только люди врут чаще.

* * *

— Значит, так, — сказала Марта. — Нам нужно двадцать один голос. Половина и ещё один. Против налога. В конце Сезона. — Она загнула палец. — Гроан — раз. Я — два. Ты — три. — Загнула ещё. — Ещё двенадцать — те, кто и так против. Охотиться не умеют, или не хотят, или им противно, или Корону ненавидят. Это пятнадцать. — Она посмотрела на свою руку с загнутыми пальцами. — Нам нужно ещё шесть.

— Где их взять?

— Вот, — сказала Марта, — вот это правильный вопрос. Наконец-то.

Она встала. Подошла к стене. К карте Гавани. Ткнула пальцем в причал.

— Рыжий Бенно. «Ласточка». Ты его знаешь. Он за налог, потому что боится блокады. У него в долгу Ханнек — у Ханнека он, то есть. Ханнек ему не даст в долг больше, если будет блокада, — Ханнеку ведь тоже от блокады плохо. А если Ханнек ему скажет, что даст в долг, если Бенно проголосует против, — Бенно проголосует против. — Она перевела палец. — Хро-мой Тейс. «Сельдь». У него старший сын на Венце, в Коронном флоте служит. Тейс за налог, потому что амнистия — и сына увидит. А сыну его, мне Марго сказала, — сыну его в прошлом месяце дали офицерский патент. Если отец станет капером Короны — сыну конец. Офицеру не положено отца-пирата. — Она помолчала. — Тейсу надо это объяснить. Тихо. Не мне — мне он не поверит. Кому-то, кому поверит.

— Кому?

— Тебе.

Исса уставилась на неё.

— Мне?

— Тебе. Тейс тебя любит. Ты его в позапрошлом году с банки сняла, у Длинной Косы. Помнишь? Он сидел там два дня, все мимо шли, а ты сняла. — Марта усмехнулась. — Ты не помнишь. А он помнит. Люди помнят, когда их снимают с банки.

Исса помнила. Смутно. Старая шхуна на мели, отлив, люди на палубе машут руками. Она подошла, кинула конец. Ничего особенного. Так делали все. Не все, поправила она себя. Все шли мимо.

— Хорошо, — сказала она. — Я с ним поговорю.

— Поговоришь, — согласилась Марта. — А как?

— Скажу ему про сына.

— Как скажешь?

— Скажу: если станешь капером — сыну конец.

Марта долго смотрела на неё. Потом вздохнула. Тяжело. Как вздыхают над ребёнком, который в пятый раз наступил в ту же лужу.

— Вот, — сказала она. — Вот поэтому я тебя и позвала.

* * *

Это длилось три недели.

Каждый вечер Исса шла по мокрым доскам полчаса до «Лисицы». Каждый вечер Марта наливала ей ром, и Исса не пила. Каждый вечер Марта учила.

Она учила, что человеку нельзя говорить то, что ты думаешь. Человеку надо говорить то, что он хочет услышать, — но так, чтобы, услышав, он сделал то, что нужно тебе.

— Ты говоришь Тейсу: «Станешь капером — сыну конец», — говорила Марта. — И что он слышит? Он слышит: «Ты плохой отец». И что он делает? Он злится. На тебя. И голосует назло. — Она пыхнула трубкой. — А ты не говори ему про сына. Ты спроси его про сына. «Как там твой старший? Говорят, офицером стал?» — И он тебе сам расскажет. С гордостью. И пока будет рассказывать — сам поймёт. Что офицеру не положено отца-пирата. Сам. Ты ему ничего не скажешь. Он сам себе скажет.

— Это враньё.

— Это не враньё. Ты же ничего не соврала. Ты спросила.

— Я спросила, чтобы он...

— Чтобы он подумал, — сказала Марта. — Это не враньё, девочка. Это — разговор. Ты в море тоже не говоришь ветру, куда дуть. Ты ставишь парус так, чтобы он сам тебя туда донёс.

Исса молчала. Злость стояла в горле — тихая, вязкая, как тина. Она ненавидела это. Каждое слово. Каждый вечер. Каждую полуправду, каждый вопрос с подвохом, каждое «спроси вместо скажи». Она не умела так. Она не хотела так.

Но она поговорила с Тейсом.

Спросила про сына. Тейс рассказал — долго, с гордостью, со слезами на глазах. Рассказал про патент, про мундир, про то, как сын написал ему письмо — тайком, через Марго, через третьи руки, — и в письме было: «Отец, я тобой горжусь. Только не приезжай». На этом месте Тейс замолчал. Долго смотрел в кружку. Потом сказал: «Он не хочет, чтобы я приезжал. Ты понимаешь, Корвен? Не хочет. Потому что я — пират. Если я стану капером — я стану коронным пиратом. Я буду приезжать. А ему...»

Он не договорил. Исса тоже ничего не сказала.

Через неделю Марта сказала ей: «Тейс — против налога. Он мне сам сказал. Шестнадцать».

Исса не почувствовала ничего. Ни радости. Ни гордости. Только тину в горле.

* * *

С Бенно было проще. Бенно поговорил с Ханнеком. Ханнек поговорил с Бенно. Исса в этом не участвовала. Марта сказала: «Это Ханнек. Ханнек сам умеет. Тебе там нечего делать».

Через неделю — семнадцать.

С Даннером было хуже. Даннер был за налог, потому что Вейрон обещал ему долю — если «Чайка» пойдёт с «Гарпуном» на охоту весной, Вейрон отдаст ей четверть того, что возьмут. Четверть — это много. Даннер был беден. Даннер хотел.

— Перекупить, — сказала Марта.

— Чем?

— Чем-нибудь. — Марта пожала плечами. — У тебя что-нибудь есть?

Исса подумала. У неё была шхуна. Была команда. Был сейф под койкой. В сейфе — карта Семи Мелей, оригинал. Его знали, наверное, все в Гавани — после Крааля, после Вейрона,

после песни, которую уже начали петь в «Пустом Якорь», — что у Корвен есть карта, а Стену в этом году не пройти. Был ещё мешочек в ящике стола. С жемчужиной. Тёмно-синей. Живой.

Она не продаст ни то, ни другое.

— Нет, — сказала она.

— Тогда — запугать, — сказала Марта спокойно.

— Чем?

— Не знаю. — Марта посмотрела на неё. — Может, Гардтом. Гардт умеет пугать?

— Я не буду пугать Даннера Гардтом.

— Почему?

— Потому что Даннер — брат. По Кодексу.

Марта засмеялась. Громко, хрипло, от души, так, что попугай без хвоста в клетке встре-
пенулся и закричал что-то неприличное.

— Ох, девочка, — сказала она, отсмеявшись. — Ох, Корвен. Ты знаешь, сколько раз за сорок лет братья по Кодексу пытались меня зарезать? Семь. Я считала. Двоих — я их сама. А ты Даннера пугать не будешь. Потому что он брат. — Она вытерла глаза. — Ладно. Даннера я сама. Ты к нему не ходи.

* * *

На третьей неделе случилось то, чего Исса боялась.

Марта послала её к Сайму Веслу. Не уговаривать — Сайма не уговоришь, он с Вейроном всю жизнь. Узнать. Просто узнать. Сколько Вейрон ему обещал. Когда. И чем — деньгами, долей, местом.

— Как я узнаю? — спросила Исса.

— Не знаю, — сказала Марта. — Ты с ним поговори. Он тупой, Сайм. Тупые болтают. Особенно если их злить. А ты злить умеешь. Я видела.

Исса пошла.

Сайм сидел в «Пустом Якорь», за угловым столом, один, и пил. Она подсела. Он посмотрел на неё — лицом, похожим на топориче, — и ничего не сказал.

— Сайм, — сказала она.

— Корвен.

— Говорят, Вейрон тебе обещал «Сеть». После охоты. Если всё пройдёт хорошо.

Это Марта ей подсказала. «Начни с того, чего нет, — сказала она. — Он начнёт спорить. И, споря, скажет, что есть».

Сайм посмотрел на неё.

— Кто говорит?

— Говорят.

— Врут, — сказал Сайм. — Мне «Сеть» не нужна. У меня своя есть. «Весло». — Он отпил. — Мне Вейрон обещал другое.

Исса ждала.

— Мне Вейрон обещал, — сказал Сайм медленно, — место в Пятёрке. После Гроана. Гроан старый. Гроан скоро помрёт. А Вейрон станет Адмиралом. И тогда в Пятёрке — я. — Он посмотрел на неё. — Вот. Довольна?

— Довольна, — сказала Исса.

Она встала. Пошла к двери. И уже у двери услышала, как Сайм сказал ей в спину, громко, на весь «Пустой Якорь»:

— А тебе, Корвен, что Марта обещала? За то, что ты для неё бегаешь? Как собачка? Или тебе уже рыба обещала? Чешую? С хвоста?

Кто-то засмеялся.

Исса остановилась.

Злость поднялась — сразу, вся, разом, как поднимается вода в трюме, когда пробивают борт. Горячая, до глаз, до красного в глазах. Она повернулась. Сайм сидел за столом и ухмылялся. Тупой, лысый, с лицом-топорищем. Она видела его плечо. Она знала, куда бить. Под рёбра. В печень. Один раз. Как учил Гардт.

Она стояла. Три шага до стола. Два.

«Ты в море не говоришь ветру, куда дуть», — сказала Марта.

«Сядь», — сказала Марта. Покачав головой. Один раз.

Исса стояла. Руки у неё дрожали. Она чувствовала, как ногти впиваются в ладони — до крови, наверное.

— Сайм, — сказала она. Голос был ровный. Чужой. Она сама не узнала его. — Ты знаешь, что Гроан сказал в Совете? Что Пятёрку можно купить. Пять человек. А всех — нельзя.

Сайм перестал ухмыляться.

— Ты в Пятёрку хочешь, — сказала Исса. — Купленную. — Она помолчала. — Поздравляю.

И вышла.

На улице шёл дождь. Она стояла под ним, у двери «Пустого Якоря», под неподвижным якорем на цепи, и её трясло. Всю. От плеч до колен. Ей хотелось вернуться и ударить. Ей хотелось кричать. Ей хотелось уйти в море, сейчас, в шторм, куда угодно, лишь бы не здесь, не на суше, не среди этих людей, которые врут, и покупают, и продают, и ухмыляются.

Она стояла. Дождь тёк по лицу.

Потом пошла к «Лисице». Полчаса по мокрым доскам.

* * *

— Место в Пятёрке, — сказала она Марте. — После Гроана.

Марта кивнула. Записала что-то на клочке бумаги. Подняла глаза.

— Что с руками?

Исса посмотрела на свои руки. На ладонях — красные полукружия от ногтей. Четыре на каждой. Одно кровоточило.

— Ничего.

— Ты его не ударила, — сказала Марта. Не спросила.

— Нет.

Марта отложила перо. Посмотрела на неё — долго, внимательно, без насмешки.

— Он тебя про рыбу? — спросила она.

Исса не ответила.

— Он тебя про рыбу, — сказала Марта. — При всех. И ты его не ударила. — Она помолчала. — Девочка, ты знаешь, что это дороже, чем Тейс? Чем Бенно? Чем Даннер? Это — дороже всего, что ты для меня сделала за три недели.

— Почему?

— Потому что, если бы ты его ударила, — сказала Марта, — завтра вся Гавань знала бы, что Сайм попал. Что про рыбу — правда. Иначе зачем бить? — Она взяла трубку. — А ты его не ударила. Ты ему сказала про Пятёрку. При всех. И теперь вся Гавань знает, что Сайм проданся Вейрону за место. А про рыбу — никто не помнит.

Исса сидела на сундуке. Смотрела на свои ладони.

— Мне от этого не легче, — сказала она.

— А тебе и не должно быть легче, — сказала Марта. — Это не тебе. Это — Гавани. — Она налила ей рома. — Пей.

Исса выпила. Впервые за три недели. Ром был тёмный, густой, сладкий, и обжёг горло.

— Корвен, — сказала Марта. Тише. — Я тебя спрошу один раз. И больше не буду. Мне — всё равно. Я тебе уже говорила. Но я хочу знать, с чем играю.

Исса подняла глаза.

— Про рыбу, — сказала Марта. — Это правда?

Исса долго молчала. Потом сказала — правду. Как всегда. Как не умела иначе.

— Да.

Марта кивнула. Медленно. Не удивилась. Не нахмурилась. Только пыхнула трубкой — раз, другой.

— Ну и ладно, — сказала она. — Ну и ладно. — Помолчала. — Только смотри, девочка. Если Вейрон это докажет — при всех, у якоря, — тебя повесят. Не по Кодексу. По Кодексу за рыбу не вешают, там про рыбу ничего не написано. Повесят просто так. Толпой. Как мою бабушку повесили на Кольце — тоже толпой — за то, что она лечила русалку, которую выбросило на берег. — Она выпустила дым. — Толпа не читает Кодекс. Толпа читает Вейрона.

Она налила себе. Выпила.

— Двадцать один голос, — сказала она. — Нам до двадцати одного — ещё четыре. Иди спать. Завтра — Ормод.

Исса встала. Пошла к двери. У двери обернулась.

— Капитан Марта.

— Что ещё?

— Вы сказали, что вам всё равно. Про рыбу.

— Сказала.

— Это правда?

Марта посмотрела на неё. Маленькие злые весёлые глаза. Седые брови под рыжими волосами.

— Нет, — сказала она. — Не всё равно. Я про бабушку не всем рассказываю, девочка. Иди.

Исса ушла.

Дождь лил всю дорогу. Полчаса по мокрым доскам. Она не замечала.

Глава четвёртая

Кошачьи ходы

Пип знал Гавань снизу.

Сверху её знали все. Причалы, склады, дома на склоне, «Пустой Якорь», лавка Ханнека, якорь с Кодексом. Мокрые доски, по которым ходят. Лестницы, по которым поднимаются. Двери, в которые стучат.

А снизу её знали только мальчишки. И крысы.

Гавань стояла на сваях. Не вся — дома на склоне стояли на камне. Но всё, что было у воды, — причалы, склады, мастерские, половина «Пустого Якоря», лавки, конторы, — всё это было построено над водой, на сотнях, тысячах свай, вбитых в дно лагуны за шестьдесят лет. И между сваями, под полами, под причалами, под складами, — было пространство. Тёмное, сырое, пахнущее гнилым деревом, тиной и ракушками. В прилив там была вода по пояс. В отлив — по колено. И там, если знать, можно было пройти. Под всей Гаванью. От пятого причала до третьего. От «Пустого Якоря» до лавки Ханнека. Не выходя наверх.

Ещё были ходы между стенами. Старые склады строили впритык, стена к стене, и между стенами оставались щели — в локоть шириной, в рост высотой. Были чердаки, соединённые досками, перекинутыми через переулки. Были старые контрабандные лазы — люки в полу, ведущие вниз, к воде, к лодке, которую можно было держать прямо под домом. Их называли кошачьими ходами. Потому что пройти по ним могла только кошка. Или мальчишка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.